Прежние тёплые чувства были разрушены, словно их примирение было лишь иллюзией.

Цзи Чжайсин слегка задумался, но на его лице по-прежнему играла улыбка. Он словно размышлял о чём-то, а его длинные ресницы скрывали свет в глазах.

— Хорошо, — спокойно ответил он.

Ученики секты Юйшуй заметили, что молодой господин Тань Лан больше не проводит каждый день с братом Цзи. Однако Тань Лан не вернулся к своему прежнему образу жизни известного повесы. Вместо этого он, казалось, действительно сосредоточился на практике, уделяя ей больше усилий, чем самые усердные ученики.

В целом это было благом — раньше каждый, кто приближался к брату Цзи, пугался взгляда Тань Лана. Теперь же всё зависело от их собственных способностей, и каждый мог попытаться привлечь внимание Цзи Чжайсина.

Особенно выделялся Ци Байшань. Он был самым младшим учеником, принятым главой секты Тань, и с самого начала заботился о Цзи Чжайсине. Он постоянно следовал за старшим братом, словно липкая конфета, мягкий и нежный.

Цзи Чжайсин относился к нему с особой добротой и терпением. Это вызывало зависть у других, но Ци Байшань был настолько прямолинеен, что даже не замечал, когда ему ставили подножки.

Единственное, что он замечал, — это взгляд Тань Лана, молодого главы секты. Он был настолько мрачным, словно готов был съесть его заживо. Ци Байшань не раз задавался вопросом, в чём он провинился перед старшим братом.

Однажды, встретив Тань Лана, Ци Байшань почтительно поклонился. На этот раз Тань Лан не убил его взглядом, а лишь кивнул и спросил:

— Ты вчера брал вино к Цзи Чжайсину?

Ци Байшань растерялся.

— Только немного грушевого вина, которое принесли у подножия горы.

— Не приноси ему вина, — сказал Тань Лан. — Его раны ещё не зажили.

Ци Байшань не осмелился возразить и ответил:

— Да. Брат Цзи не пил. Он сказал, что не любит вино.

Тань Лан снова замер.

Оказывается, Цзи Чжайсин не любил вино.

Ци Байшань почувствовал, что Тань Лан ведёт себя странно, но он уже задержался, и ему нужно было спешить к учителю.

В главном зале, помимо главы секты Тань, находился и Цзи Чжайсин. Сегодня он был одет в зелёный халат, который подчёркивал его стройную фигуру. Волосы были собраны в простую причёску с помощью нефритовой шпильки.

Ци Байшань, увидев его, застыл на месте. Он почтительно поклонился учителю, а затем смущённо и сладко позвал:

— Брат Цзи.

Цзи Чжайсин, сидевший в кресле и что-то листавший, встал. Его чёрные волосы, белая кожа и алые губы создавали образ, который завораживал.

Ци Байшань прижал руку к груди — сердце его бешено билось.

— Байшань, — сказал глава секты Тань. — На этот раз ты будешь ведущим братом на Испытании меча в лесу Ханьлинь. Ты поведешь десять учеников секты Юйшуй.

Ци Байшань, который украдкой смотрел на Цзи Чжайсина, был ошеломлён этой новостью.

Испытание меча в лесу Ханьлинь не обязательно было связано с мечами. Это была возможность для молодых учеников различных сект продемонстрировать свои силы. Победа приносила не только славу секте, но и щедрые награды в виде духовных камней и артефактов.

Ци Байшань уже участвовал в этом событии, но никогда не был ведущим братом. Он запаниковал:

— Как я могу? Лучше… пусть брат Цзи возглавит!

Цзи Чжайсин рассмеялся.

— Глупости, — сказал глава секты Тань. — Твой брат Цзи по возрасту подходит, но его уровень… Если он выступит, старики поссорятся с сектой Юйшуй.

Цзи Чжайсин, находясь на стадии Золотого ядра, соревновался бы с учениками, практикующими концентрацию ци, что было бы несправедливо.

Увидев, как Ци Байшань покраснел от волнения, Цзи Чжайсин мягко произнёс:

— Учитель.

Глава секты Тань перестал шутить.

— Однако твой брат Цзи действительно поедет. Он будет старшим наставником.

После инцидента, когда ученики секты были атакованы демоническими практикующими на пути к Испытанию меча, каждая секта, независимо от размера, отправляла старшего наставника для защиты учеников. Чем выше статус секты, тем сильнее был наставник.

Но никто не ожидал, что это будет Цзи Чжайсин.

Он, возможно, станет самым молодым старшим наставником в истории секты Юйшуй и всего мира совершенствования.

Глава секты Тань не был человеком, любящим выставлять напоказ. Цзи Чжайсин, не достигший двадцати лет и уже ставший господином Золотого ядра, даже если он преодолел скорби в Великом мире, был слишком невероятным.

Но глава секты помнил слухи, распространявшиеся в мире совершенствования. Даже при всей мощи секты Юйшуй невозможно было остановить пересуды практикующих. Лучше было показать им, как выглядит человек, о котором они шептались.

Когда Цзи Чжайсин закончил обсуждать детали поездки с учителем, уже наступил вечер.

В конце извилистой дорожки стоял юноша в белых одеждах. Его хрупкая фигура излучала изящество.

Цзи Чжайсин подошёл ближе, и юноша обернулся, открыв слегка болезненное лицо с улыбкой.

Они встретились лицом к лицу.

Цзи Чжайсин помнил лица всех своих товарищей по секте и знал, что этот юноша не из Юйшуй. Он внимательно смотрел на него.

Юноша, несмотря на худобу, был высоким, даже выше Цзи Чжайсина.

— Цзи Чжайсин, — он произнёс его имя с весом, словно повторял его тысячу раз. — Возможно, ты меня не помнишь, но я знаю тебя.

— Меня зовут Жун Чжоу, я наследник семьи Жун, практикующий медицину. В тот день, когда ты стрелял из лука, и твоя рана раскрылась, это я обработал её. — Жун Чжоу улыбнулся, его глаза слегка сузились, что придало ему милый вид.

Цзи Чжайсин сразу вспомнил. Его рана была аккуратно перевязана, и зажила она быстро, что говорило о профессионализме медика.

Он забыл поблагодарить.

— Благодарю за помощь, товарищ Жун, — сказал Цзи Чжайсин.

Жун Чжоу слегка улыбнулся:

— Не благодари меня. Это Тань Лан позвал меня. Тогда у нас были небольшие разногласия, и мы долго не общались. Поэтому, когда я увидел тебя — особенно такого красивого — я немного заревновал.

Это слово «заревновал» было выбрано особенно удачно.

Жун Чжоу улыбался всё шире, и его глаза светились от счастья:

— Поэтому я… хотел, чтобы он держался подальше от тебя. Если он в последнее время охладел к тебе, прошу, не обижайся на него. Это была моя идея.

Цзи Чжайсин слегка задумался.

Он понял, почему Тань Лан вдруг стал холоден. Это было из-за избегания подозрений.

Цзи Чжайсин, по просьбе жены учителя, пытался исправить характер Тань Лана, занимаясь с ним самосовершенствованием. Он думал, что Тань Лан просто устал, но теперь, увидев его усердие в практике, понял, что это принесло плоды. Цзи Чжайсин был доволен и больше не вмешивался в личные предпочтения Тань Лана.

Но узнав, что причина была в другом, он почувствовал облегчение.

— Так и должно быть, — сказал он.

Жун Чжоу, ожидавший, что Цзи Чжайсин рассердится или расстроится, был удивлён.

Цзи Чжайсин смотрел на него тёмными глазами, слегка улыбался и говорил с ободрением:

— Если вы любите друг друга, то должны поддерживать друг друга и идти к общей цели.

— У Тань Лана ещё много недостатков, и тебе нужно приложить усилия, чтобы он пошёл по правильному пути и достиг бессмертия.

Цзи Чжайсин говорил так, словно смотрел на свою невестку, с теплотой и одобрением:

— Ты хорошо справляешься.

Жун Чжоу:

— …Ах, да, я стараюсь.

На извилистой дорожке, в конце коридора, черноволосый практикующий в зелёном одеянии улыбался, его глаза сверкали, как звёзды.

Рядом с ним стоял белокожий юноша, слегка склонивший голову, словно смущённый.

Со стороны они выглядели гармонично и близко.

Цзи Чжайсин разговаривал с Жун Чжоу, пока не заметил, что солнце уже зашло. Он задержал его надолго, и последние лучи света исчезли, оставив лишь тёмные тени. Цзи Чжайсин опустил ресницы и мягко сказал:

— Я заговорился. На каком пике ты живёшь? Я провожу тебя.

http://bllate.org/book/15565/1385379